

ВСТРЕЧИ
НА ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ

ОН САМ СКАЗАЛ

Городок Мэзон-Лафитт, где живет Марина Влади, — в 40 минутах езды от Парижа.

У белого каменного дома, окруженного большим садом, несколько отшельнический, романтический вид. Во всяком случае он не похож ни на аккуратный европейский коттедж, ни на особняк престижного парижского пригорода.

Внутри просторно и все на виду: к столу с телефонным аппаратом придвинуты две обыкновенные лавки, на них масса записочек, какие-то брошюры, потерятая записная книжка. Три собаки с русскими кличками, нехотелые и незаносчивые.

— У вас нефранцузская обстановка...

— Здесь моя обстановка, — с ударением на слове «моя» отвечает актриса.

Марина Влади только что вернулась из Москвы, где записывалась на телевидении в двух передачах о Владимире Высоцком.

Она говорит:

— Меня радует, что готовятся эти передачи, хотя можно было и не ждать шесть лет. Я знаю, что Володе сейчас много пишут, работает комиссия по его творчеству, издаст то, что я оставила в Москве после его смерти. Это более 700 стихотворений плюс проза, сценарии. Я решила, что эти материалы должны находиться в СССР.

У меня такое впечатление, что публика в основном знает его песни, записанные часто иначе. Читая его стихи, совершенно иначе воспринимаешь его творчество. Тем более выросли поколения, которые и не слушали его, и не видели в театре, и они уже пусть воспитываются на текстах Владимира Высоцкого, а не на пленках...

Конечно же, Марина Влади кричала. Многие запомнили ее по фильму «Колдунья» (по Куприну) или по картине де Сантиса «Дни любви». Но в представлении многих Марина Влади — образ загадочной «азиатской» женщины, овеянной легендами и слухами. Знает ли она об этом?

— Когда я приехала в первый раз в СССР на Неделю французских фильмов, это был 1953 год, то увидела, что у меня сотни молодых поклонниц. Они перенали подозревала, что на родине родителю найдут такое горячее признание. Ну, а потом я вышла замуж за Володю, и события приняла фантастический оборот. Из канедотов на эту тему: однажды мы поехали кататься на речном трамвайчике. Какая-то женщина, увидев нас вместе, презрительно бросила: «Ишь ты, под Марину Влади работаешь...»

— Марина, а как получились, что, живя всю жизнь во Франции, вы тем не менее сохранили и русский облик, и русский язык?

— А я и есть русская, только с французским паспортом. Отец

мой окончил Московскую консерваторию. Когда началась первая мировая война, он уехал во Францию, чтобы уйти в армию добровольцем. Он был единственным сыном овдовевшей матери, и в русскую армию его не брали. Стал летчиком, был ранен, награжден орденом крестом. После войны остался во Франции, работал в парижской опере. Семья моей матери выехала из России в 1919 году. Мама оказалась в Белграде, работала там в театре и там же познакомилась с моим отцом — Владимиром Поляковым, приехавшим на гастроли.

Меня воспитывала бабушка. Она не говорила по-французски, учила меня русским песням, сказкам, стихам, задала в православную церковь. Верующей я не стала, но русские песни мне углубились. Русские песни люблю петь и сегодня. Вместе с сестрами мы выпустили даже три пластинки с русскими песнями. Есть у меня и пластинка «Песни мира», где я исполняю русские колыбельные, одной из них меня выучила бабушка.

Наконец, сказали и 12 лет жизни с Володем.

В фирме «Мелодия», между прочим, много лет лежит без движения записанная нами вдовоем пластинка. Надеюсь, она когда-нибудь будет выпущена.

В своей книге «Бабушка», которую она мне подарила, Марина Влади вспоминает:

В 1968 году я поехала в Россию сниматься в фильме Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа». Девять месяцев съемок, холодная зима. Мы работали страшно медленно. Вначале это меня раздражало. В субботу — выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром... И только когда я поняла, что такое время «по-русски», мне стала ясна такая манера работать. Время — не деньги: человек видит перед собой бесконечность. Поначалу меня удивляло какое-то полное отсутствие у русских представления о времени: разбудить приятеля в три часа утра, прийти к нему только потому, что на тебя «нашла тоска» — они не считают ни нежелательным, ни чем-то исключительным. Найдут время тебя выслушать — столько, сколько нужно. Где еще можно встретить такую душевную открытость, такое внимание к друзьям?

Французы меня часто спрашивали: как вы можете жить в России? И так долго? Я отвечаю, что, конечно, я знаю не всю Россию. Есть вещи, которые мне трудно

понять и принять, но главное — другое. Если бы я не была там счастлива, я бы не жила в Москве по полгода. И дело не только в том, что там — человек, которого я люблю и с которым я счастлива. В Москве особые отношения между людьми, каких я никогда или почти никогда и нигде не встречала, особенно в Париже. В Москве я живу среди людей искусства: художников, актеров, режиссеров, писателей... Все друг друга знают, все ходят друг к другу в гости. Жизнь кипит: постоянный обмен идеями, обсуждения, встречи. И нет барьера между людьми разных профессий. «Общественная жизнь» в Москве протекает большей частью дома, а не, например, в ресторанах или кафе.

И разговаривают. Могут спорить восемь часов подряд: люди полностью открыты друг другу, им все интересно, и это придает человеческим отношениям совершенно особую теплоту и жизненную силу. Когда люди собираются у себя дома — это праздник: один поет, другой читает стихи, третий — отрывки из романа.

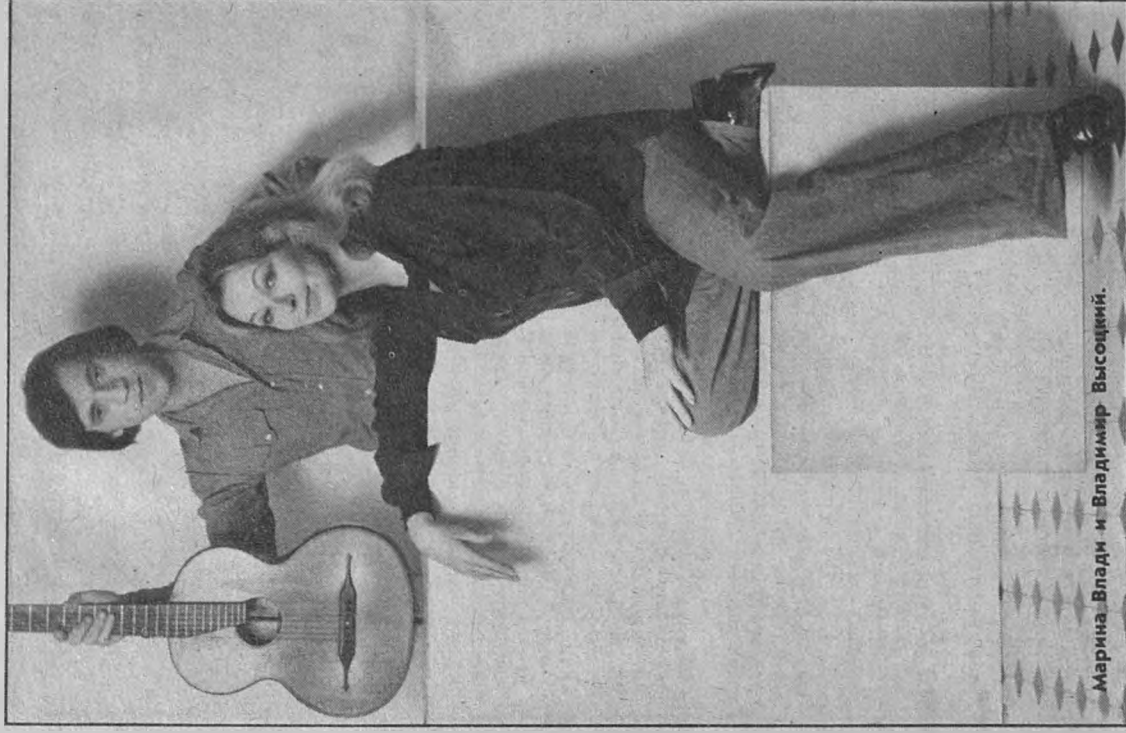
Все это очень далеко от того пресыщенного равновесия, замкнутости, которые я привыкла встречать в Париже.

Мне кажется, что Москва — это в чем-то Монпарнас 20-х годов. Наверное, в начале века он жил такой же жизнью.

— Владимир Высоцкий выступал с концертами за рубежом. Как воспринимали его зрители? — Те, кто слушал его на концертах, конечно, бывали ошеломлены. Публика воспринимала его зрительно, потому что не понимала смысла песен. На всех действовало его колоссальное обаяние, которое на пленке исчезает. На концерты приходило и много советских людей, работающих за рубежом. Даже они не всегда воспринимали то, о чем пел Володя; для этого надо было так чувствовать жизнь страны, как чувствовал ее он.

— Приходилось слышать невероятные истории о том, как вы познакомились. А как это произошло на самом деле?

— Очень просто. Я приехала в 1967 году в Москву на кинофестиваль и вместе с Максом Леонидовичем, тогдашним корреспондентом «Юманите» в Москве, мы пошли в театр на Таганку. Макс знал Володю, после спектакля он нас познакомил, потом мы поехали в ресторан ВГО, а затем сидели у Макса на квартире, слушали, как Володя пел. Мы подружились. На

Марина Влади и Владимир Высоцкий.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

следующий год я приехала в Москву на съемки фильма Юткевича, мы стали чаще видеться... Потом поженлись. Свидетелями были Макс Леонидович и Всеволод Абдулов из МХАТа.

— Вы жили «на две страны»...

— Это было сложно, особенно для меня. У меня было трое сыновей, они должны были учиться. Я не могла перевести их в Москву, хотя они и обожали Володю. И потом, есть ли у тебя право навязывать любимому человеку свою, уже сформировавшуюся семью?

Так и жили: Володя — в Москве, я — в Париже, мы выучили чуть ли не наизусть расписания самолетов. Но, может быть, в этом была и положительная сторона. На грани расставания или встречи не обращаешь внимания на какие-то мелочи, на все поверхностное...

Володя ездил по свету: мы побывали и в Мексике, и на Таити, и в Голливуде, но после 2—3 недель его тянуло домой. Ему хотелось слышать родной язык — ему он нужен был как воздух. Он не мог здесь жить, не хотел и никогда о переезде не говорил.

Вообще кто-то полагает, что иммигранту здесь просто, а это не так. Русскому человеку особенно не хватает возможности посидеть, поплакаться, если нужно.

— Марина, что вы думаете о памяти на его могиле?

— У меня был другой проект. — У нас сейчас много пишут о Высоцком. Вы читаете эти публикации?

— Да, я знаю о них. Я замечаю, что есть тяга идеализировать Володю, делать из него такого пай-мальчика, сладенького человека. Он был добрым, щедрым, но у него были и недостатки, как у всех. Я и согласилась приехать в Москву, чтобы немного восстановить правильный его образ.

Все его хотят сейчас присвоить себе, вероятно, и я тоже так поступаю, ибо он был моим мужем. Да, я знаю его хорошо, но есть черты его характера, которые

и мне незнакомы. Он человек необыкновенный, но никогда не был святым. Сейчас многие говорят, что были дружны с ним, а ведь при жизни они ему могли помочь больше: люди, которые в подметки ему не годились, считали, что народ не должен его знать, решили за друзей... Но это все пройдет, а главное останется.

Меня как-то попросили написать несколько строк для сборника воспоминаний. Но о Володе нельзя написать несколько строк. И нужно побольше его издавать, тогда все станет на свое место — он сам сказал о себе лучше всех.

— Что у вас от Франции? — спрашиваю Марину Влади.

— Дисциплина в работе. В Париже недавно вышел фильм с ее участием — «Гвист снова в Москве» (гротескная комедия, мы о ней спорим и не соглашаемся друг с другом). Актриса снялась и в картине «Приключения юного Дон-Жуана», где играет оборотажную крестьянку, преподающую уроки любви молодому юноше. Надеется сыграть в театре, есть пьеса знакомой писательницы о жизни бродячих артистов в Германии во время войны. Но еще надо найти театр, режиссера, который возьмется ее ставить.

...Из-за яркого солнца, лучи которого пробиваются в кухню, забываешь, что на улице уже зима. Когда-то в этом доме было оченьлюдно: здесь жили три сестры Марины с детьми, ее мать.

После смерти матери дом кажется слишком большим и пустым.

Марина Влади вспоминает, как они втроем — она, ее сестры Одиль и Елена — играли в чеховских «Трех сестрах». Спектакль имел колоссальный успех.

Моя собеседница сетует, что в разговоре иногда не находят точные русские слова. «Словно краски тускнеют», — говорит она. Перечитывает Чехова, чтобы слова не уходили...

Дмитрий ЯКУШКИН,
наш собор.

Париж.